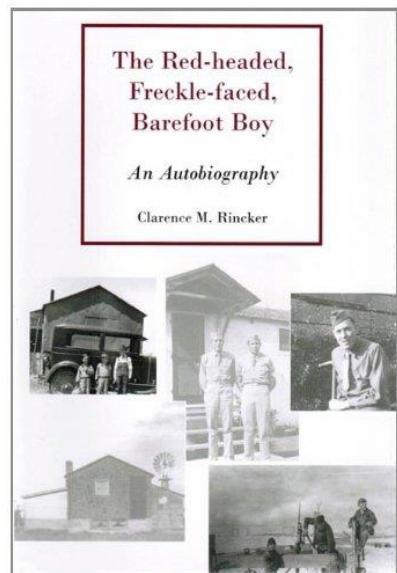

БОЕВОЙ ПУТЬ МИНОМЕТЧИКА 100-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ КЛЭРЕНСА РИНКЕРА

Клэренс Монти Ринкер (Clarence M. Monty Rincker, на фото справа – обложка книги его воспоминаний) родился в городе Шайан/Cheyenne, штат Вайоминг, 8 сентября 1922 года. Когда ему был один год, его родители купили ферму в восточной части этого штата, и семья переехала туда. После начала ВМВ Ринкер, обучавшийся в университете штата Вайоминг, записался в армейский резерв. Из резерва он был призван на действительную службу и направлен на 13 недель в военный лагерь *Fort Benning*, штат Джорджия, для прохождения обучения в *Школе Кандидатов в Офицеры/Officer Candidate School*. После этого он был отсевян, не получил офицерского звания и был откомандирован в Роту *H* (Тяжелого Оружия/Heavy Weapons) 397-го Пехотного Полка 100-й Пехотной Дивизии, в то время проходившей боевую подготовку в военном лагере *Fort Bragg*, штат Северная Каролина. Вот что он рассказал об этом:

11 мая 1942 года я заново приступил к базовой военной подготовке. К тому времени я уже больше года изучал все виды оружия, которые здесь использовались, не считая трех лет тренировок в колледже по системе [подготовки офицерского резерва] ROTC (*Reserve Officers' Training Corps*). Однако многие новички, служившие в Роте *H*, прошли совсем небольшую пехотную подготовку, если вообще таковая была, так что их было, чьему обучать.

Он также вскоре понял, к своему разочарованию, что возможности для продвижения по службе у него были незначительными, так как «все офицеры и сержанты уже давно служили в 100-й Дивизии.» Следующие несколько недель были наполнены тяжелой работой: 25-мильными маршрутами, бесконечными полевыми занятиями, долгими часами, проведенными на стрельбище или за освоением 81-мм минометов. Ринкер стал минометчиком 1-го класса и гордился тем, что он и его приятель Эрнест Миллер (Ernest Miller) были признаны лучшими стрелками-наводчиками из всех шести отделений Роты *H*.

В августе 1944 года 100-я Дивизия, прозванная *Century/Столетие* (слева – эмблема и нарукавная нашивка 100-й Дивизии), получила приказ готовиться к отправке за океан. Ринкер, теперь рядовой 1-го класса, чувствовал себя одним из лучших в дивизии по уровню подготовки: «Я три года обучался по системе ROTC, затем прошел 17-недельный курс базовой пехотной подготовки, потом 13-недельный курс в *Школе Кандидатов в Офицеры* и, в итоге, четыре месяца обучался в лагере *Fort Bragg*. Я умел стрелять почти из всех видов оружия, которыми располагала пехотная дивизия, умел работать с минами и знал подрывное дело.» 25 сентября 1944 года дивизия, все военнослужащие которой получили новую униформу и снаряжение, погрузилась на поезд, который перевез ее в лагерь [*Camp Kilmer*] в штате Нью-Джерси, где она провела несколько недель, прежде чем отправиться в Европу на лайнере *George Washington*, до войны принадлежавшем Германии, реквизированном и превращенном в войсковой транспорт. «В нашем конвое было 11 судов, - вспоминал Ринкер. – плюс эсминцы и корабли сопровождения, которые должны были защитить нас от немецких субмарин. В него также входило несколько небольших эскортных авианосцев.

Наше судно было самым крупным – почти 1 000 футов в длину и водоизмещением 26 000 тонн.»

Двое военнослужащих 397-го Пехотного Полка 100-й Дивизии ведут огонь из 60-мм миномета типа M2 в период обучения в лагере Fort Jackson, штат Южная Каролина, в апреле 1943 года

Через шесть дней после выхода в море из Нью-Йорка конвой попал в ураган, сопровождавшийся волнами высотой до 30-40 футов. Половина личного состава дивизии свалилась с морской болезнью, но на Ринкера это никак не подействовало. На двенадцатый день пути солдаты увидели с борта судна берега северной Африки. Конвой прошел мимо Танжера/Tangiers в Гибралтарский пролив и 20 октября достиг Марселя. Портовое оборудование и причалы были полностью разрушены. Гавань была забита потопленными и севшими на грунт судами. Солдаты и офицеры добрались до берега на пехотно-десантных катерах *LCT* (*Landing Craft, Infantry*), после чего были переброшены на 12 миль вглубь суши, на место временного лагеря, где 397-й Полк приступил к установке палаток. Пошедший ночью ливень почти полностью затопил лагерь...

Имевшая в своем составе 14 000 человек 100-я Дивизия включала в себя 397-й, 398-й и 399-й полки. Командовал ею с момента ее активации в ноябре 1942 года 49-летний генерал-майор Уизерс Барресс (Withers A. Burress, 1894-1977, на фото слева), участник ПМВ.

Это был компетентный командир, популярный среди подчиненных, – он будет находиться во главе своей дивизии вплоть до конца войны.

Дивизия входила в 7-ю Армию генерал-лейтенанта [Александера Пэтча](#) (Alexander Patch) и получила от него приказ продвигаться на север от Марселя. Впереди нее на марше были 3-я и 45-я пехотные дивизии, ранее принявшие участие в операции [Dragoon](#). 100-я Дивизия следовала за ними в направлении горного массива Вогезы, находившегося в 450 милях от Марселя. Вспоминает Ринкер: «Мы шли мимо сотен брошенных немецких автомашин, сгоревших или изрешеченных пулями. Иногда мы видели фуры с запряженными в них мертвыми лошадьми. Нам сказали, что этот разгром учили американские BBC, когда немцы отступали... Погода была дождливой и мерзкой во время этого трехдневного марша на север. Мы мерзли, сидя в грузовиках, нас пробирал озноб, но все равно это было лучше, чем шагать на своих двоих!» 1 ноября погода прояснилась, и дивизия добралась до города Сен-Элен/Sainte-Hélène в Эльзасе. «Мы были всего в шести милях от противника и слышали грохот орудий, ведущих огонь по подконтрольной ему территории, – рассказывал Ринкер. – Первым заданием, которое получили, было удаление всех указывающих на наши звания нашивок, пришивая которые к нашей новой униформе перед отбытием из лагеря *Fort Bragg*, мы потратили многие часы.

Офицеров и сержантов стало невозможно отличить от рядовых. Это было сделано для того, чтобы лишить вражеских снайперов возможности концентрировать огонь на старших по званию, а противника в целом возможности идентифицировать, к какому соединению мы принадлежим, в случае попадания в плен.»

Солдаты 45-й Пехотной Дивизии забираются вверх по склону где-то в Вогезах

Во второй половине дня 5 ноября полк Ринкера расселся по 2½-тонным грузовикам, которые должны были перебросить его на передовую, где ему предстояло сменить части 45-й Дивизии, которые провели на линии фронта 80 дней. Ринкер и его товарищ по стрелковой ячейке Джордж Уайлд (George Wild) вскоре оказались на берегу реки Мёрт/Мурт (Meurthe) напротив деревни Баккара/Baccarat. «Следующие несколько дней положение оставалось статичным, - вспоминал Ринкер. – У нас не было контактов с противником, в связи с чем мы не знали, где он находится. Погода при этом была настолько невыносимой, насколько это можно себе представить. Шел дождь, потом он сменялся снегом. Мы мерзли, мокли и одновременно с этим цепенели от страха. Мы подскакивали от малейшего шума, раздавшегося где-то поблизости, ожидая, что на нас вот-вот нападет невидимый враг.»

Солдаты 397-го Полка перебегают через уличный перекресток в Рао-ле-Этапе

7 ноября 397-й Полк выдвинулся вперед, впервые столкнулся с немцами и понес первые потери. Дивизия получила приказ взять Рао-ле-Этап/Raon l'Étape – хорошо укрепленный городок, расположенный на высотах над рекой Мёрт. 11 ноября американцы пошли в атаку. «Продвигаясь вперед, - вспоминал Ринкер, - мы попали под ружейно-пулеметный огонь, к которому добавились минометы и артиллерия. Число убитых и раненых быстро росло. Наш минометный взвод избежал потерь в первый день, но 13-го был ранен и выбыл из строя лейтенант Нельсон (Nelson). В течение следующих нескольких дней мы потеряли двоих человек убитыми и пятерых ранеными. Никто не знал, кто окажется следующим... Мы были перепуганы до смерти, но у нас был приказ и была задача, которую мы должны были выполнить. 16 ноября наш полковой командир, полковник Уильям Эллис (William Ellis, 1893-1944, на фото слева), попал в засаду на пути к КП одного из батальонов и был убит пулеметной очередью.»

Ринкер навсегда запомнил первого увиденного им мертвого немца: «Мы шли через какое-то редколесье, впереди нас, наверное, ярдах в 200, шли пехотинцы. Потом началась перестрелка, но мы продолжили продвижение вперед, и тут я увидел прямо напротив себя труп и по униформе определил, что это был немец. Он лежал на спине, и, проходя мимо, я разглядев, что это был молодой парень где-то моих лет, с похожим телосложением. Я не мог избежать мыслей о том, кем он был раньше, к чему стремился, что у него была за семья, и, возможно, о том, о чем он успел подумать в последние мгновения его жизни. У меня холода пробежал по спине, и впоследствии я так и не смог забыть эту картину. Время шло, я видел сотни убитых немцев, но их вид ни разу не подействовал на меня так, как тогда, в первый раз. Наверное, это было так потому, что тот парень был первым, или потому, что тогда я представил себе, что в любой момент могу и сам растянуться на земле, превратившись в труп.»

Солдаты 397-го Полка проходят через Рао-ле-Этап 18 ноября 1944 года

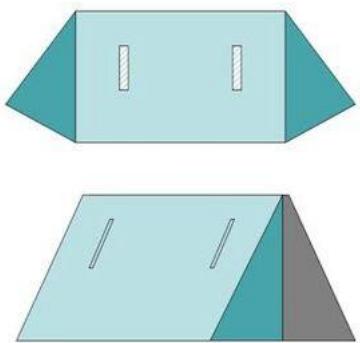
18 ноября 100-я Дивизия взяла Рао-ле-Этап. «Когда мы вышли на окраину города, - вспоминал Ринкер, - какие-то французы стали раздавать нам выпивку в благодарность за то, что мы освободили их от немцев. До чего же они были счастливы!» Американец сделал добрый глоток, который обжег его изнутри и едва не свалил с ног: «Я-то ожидал, что это будет хорошее вино, но француз дал мне выпить свой лучший коньяк. После этого я больше ни разу не принял предложение выпить от благодарных французов.»

Дивизия возобновила атаки 19 ноября, рывками продвигаясь вперед. Американцы застали противника врасплох и заняли города Муайонмутье/Moyenmoutier, Сенон/Senones, Ла Пети Рао/La Petit Raon и Вью-Муллин/Vieux Moulin. Рассказывает Ринкер:

Мы покрыли 25 миль за 15 дней, - - и при этом постоянно несли потери и не могли избавиться от страха... Мы начали сталкиваться с ситуациями, которые не рассматривались во время нашего обучения. Первоначально мы шли в бой с полными рюкзаками за спиной, которые, как оказалось, было невозможно утащить, ведя бой в Вогезских лесах. Мы также избавились от наших кусков брезента – половинок палатки (см. рисунок слева) и котелков, тем более что питались мы К-rationами (см. фото справа). При себе мы оставили наши фляги, кружки и кое-что из личных

вещей, например, бумагу для письма. Но боеприпасы нам приходилось таскать на себе, потому что снабжающие нас джипы не могли добраться до нас по горам и бездорожью.

Еще одной большой проблемой для нас, минометчиков, было то, что мы размещали свои позиции в лесу, для чего приходилось убирать некоторые деревья, чтобы улучшить условия ведения огня. Сначала у нас просто не было такой возможности, но потом мы обзавелись топорами нормального размера и лопатами, которые подвезли из тыла.

Среди всех парней из восточных штатов, где лесов полно, не было ни одного, кто бы знал, как свалить дерево! Поэтому я вскоре стал вальщиком леса, тогда как Джордж занимался рытьем окопчика для себя и для меня. В течение многих дней нам приходилось валить деревья и рыть ячейки по три-четыре раз в день после каждого продвижения вперед.

Вскоре мы столкнулись с новой угрозой, о существовании которой в период боевой готовки речь не заходила. Летевшие в нашу сторону 88-мм снаряды и мины ударялись о деревья и разрывались в воздухе над нашими головами, осыпая осколками наши открытые окопчики. Чтобы защитить себя от них, мы начали накрывать наши ячейки срубленными деревьями, а по ночам засыпать эти накаты землей, чтобы сделать их плотнее.

Ринкер отмечал, что боевые действия в лесах были особенно трудными, потому что дальность обзора была крайне незначительной, и это облегчало немцам устройство засад.

Был, по меньшей мере, один случай, когда немец залез на дерево и стал поджидать нас... Потом этот снайпер неожиданно открыл огонь, и мы запаниковали, но потом разглядели его на дереве прямо над нами. После того, как мы заметили его, шансов у него уже не осталось. Он привязал сам себя к дереву так, чтобы не свалиться, так что мы дали ему возможность повиснуть на нем...

По какой-то счастливой случайности, снайпер (скорее всего, это был обычный солдат – ВК) не попал ни в одного из минометчиков, но с этой поры Ринкер и его товарищи стали проверять каждое дерево, прежде чем начать установку миномета на огневую позицию.

В [День Благодарения](#) 397-й Полк продвигался через заросшую лесом местность в Вогезских горах. Было холодно, шел сильный дождь, и люди чувствовали себя совсем некомфортно. Вспоминает Ринкер: «Нам сказали, что нам везут горячий праздничный ужин. Мы дошли до пункта, где нас должны были накормить, но к тому моменту, когда я добрался до места раздачи пищи, из еды остался только мелкорубленный ананас. Мою кружку наполнили им на три четверти, но из-за дождя его уже можно было пить. Вот таким оказался мой ужин на День Благодарения!» Позднее, в тот же день, батальон Ринкера получил приказ двигаться дальше, стараясь не наступать на мины, уложенные противником на трехполосной дороге. «Откуда-то спереди донеслись выстрелы, - вспоминал он, - наша колонна остановилась, и все побежали в лес.» Оказалось, американцы наткнулись на завал из деревьев, из-за которого немцы открыли огонь. Обойдя этот заслон, батальон продолжил свой марш, пока не был остановлен еще несколькими завалами и ружейно-пулеметным огнем.

Солдаты 100-й Дивизии проходят через расчищенный завал, оставленный немцами на дороге. 19 ноября 1944 года

Становилось довольно очевидно, что мы вступили в полосу обороны немцев и углубились далеко за передовую линию. Позднее мы узнали, что зашли за нее аж на 17 миль! Вскоре мы заняли городок Сен-Блез/Saint-Blaise. Оставшуюся часть ночи и весь следующий день мы брали в плен все больше и больше немцев, которые входили в него, не зная, что он захвачен нами. Стрельбы было мало или вообще обходилось без нее, так как мы сидели в домах с оружием наготове и просто давали немцам возможность подойти к нам вплотную. Как только они сдавались, мы загоняли их в подвал и ждали следующих.

Американцы также обнаружили винный погреб. «В нем были превосходные французские вина и шампанское, которым дали свободу, - вспоминал Ринкер. – Я разделил пятизвездочную бутылку шампанского с несколькими парнями-минометчиками.»

По словам Ринкера, его часть была в боях 2½ недели, и люди не имели возможности побриться, вымыть руки или переодеться: «Когда мы стояли в Сен-Блезе, появился какой-то генерал и поднял скандал, потому что мы были небриты. Дело было в том, что мы и не могли сделать это, потому что ни у кого из нас не было бритвы. Еще до того, как наступила темнота, прибыл грузовик с припасами от Красного Креста, в котором были матерчатые упаковки оливкового цвета с зубными щетками и пастой, пластиковыми бритвами и лезвиями в пачках по пять штук в каждой. Наши каски стали умывальниками, в которые мы набирали холодную воду из соседнего ручья. Мы израсходовали большую часть лезвий, соскрабая почти трехнедельную щетину. После этого было ощущение, что лицо стало голым...»

После занятия Рао-ле-Этапа и Сен-Блеза 100-я Дивизия успешно прорвала немецкую оборонительную линию, получившую у союзников название *Winter Line*. Вспоминает Ринкер: «Мы уже не были зелеными новичками. Мы были ветеранами, которые достигли важных целей, поставленных перед 7-й Армией. Мы вступили в бой с немцами на местности, через которую до нас никто не наступал успешно, и мы добились победы. Но мы заплатили за это цену: 167 человек убитыми и 511 ранеными.»

Однако более суровые испытания ждали дивизию впереди. В конце ноября она вступала в многочисленные бои с противником в Эльзасе и Лотарингии. Готовясь к атаке на

Энгвиллер/Ingwiller, американцы столкнулись с противником, который дрался с «самоубийственным ожесточением», и использовал самое разное оружие, в том числе, минометы, 20-мм зенитки и то, чего американцы боялись больше всего: 88-миллиметровые орудия. Вспоминает Ринкер:

Если мы попадали под обстрел из минометов, их снаряды падали с неба почти беззвучно, издавая очень слабый шум, если вообще там был какой-то. Но, когда мы попадали под огонь 88-миллиметровок, от гула их снарядов, с воем несущихся в нашу сторону, душа уходила в пятки. Психологическое воздействие при этом было таким же тягостным, как и разрывы снарядов неподалеку от нас. Я не уверен, что вы можете расслышать гул снаряда, летящего прямо в вас, но снаряды, несущиеся над головой или в стороне от тебя, благодаря большой скорости издают совершенно душераздирающий визг. Ты просто ощущаешь, что он вот-вот упадет на тебя.

В одну из ночей часть Ринкера оказалась под особенно сильным минометным обстрелом, но, по счастью, люди сидели в своих закрытых накатами окопах.

Были видны обычные вспышки разрывов, после чего до тебя доносился их грохот. Иногда, если мина падала довольно близко, пыль от разрыва пробивалась сквозь щели между бревнами. В ту ночь одна такая упала прямо рядом с нашей ячейкой, земля содрогнулась, и комья грязи посыпались на нас со всех сторон. После этого наступила мертвая тишина, затем мы немного зашевелились, проверяя, на месте ли наши руки и ноги. Никто не пострадал, но нас здорово присыпало землей. На следующее утро мы вылезли из окопа и увидели, что мина упала в двух футах от его края... Наш миномет не был поврежден, но часть боеприпасов перемешало и помяло так сильно, что мы больше не могли их использовать.

Так было все время, пока дивизия пыталась продвинуться вперед, а немцы всеми силами оказывали ей сопротивление...

В декабре из-за тяжелых потерь, понесенных его взводом. Ринкер был назначен и. о. командира отделения. Американцы атаковали деревни Ротбах/Rothbach, Реперсвиллер/Reipertsviller и Винген/Wingen, но особого успеха добиться им не удалось. 1-й Батальон 398-го Полка, наступавший в 5 милях от 397-го, попытался взять Винген, но большая часть его Роты А попала в плен... Люди продолжали страдать от бесконечных дождей, снегопадов и температуры воздуха, то и дело перескакивающей через ноль. Провианта не хватало, воду набирали в ручьях или топили снег. Ее дезинфицировали таблетками под названием *halazone* (см. фото слева). Вспоминает Ринкер: «Мы провели почти месяц, не имея на для ночлега ничего, кроме одеял, в которые заворачивались. Случались такие холодные ночи, что невозможно было заснуть.» Наконец американцы получили снаряжение, облегчившее жизнь в зимнее время: на фронт прибыли грузовики со спальными мешками. По словам Ринкера, даже эти новые спальные мешки были довольно тонкими, но и они помогали, особенно когда сверху еще можно было укрыться плащом. 397-й Полк получил приказ атаковать Высоту 335 близ городка Мутеруз/Mouterhouse:

Смерть в бою обычно приходила с пулеметной очередью или с разрывом артиллерийского снаряда. Обычно это случалось тогда, когда человек знал, что находится в опасности, но смерть Ллойда Низета (Lloyd Neseth) на Высоте 335 потрясла нас всех.

По-видимому, противник не видел нас, поскольку мы выдвинулись в темноте, и наутроказалось, что все именно так, как было. Мы были готовы атаковать Мутеруз, но ждали назначенного момента. Мы просто сидели в лесу над городом. Плайд сидел, прислонившись спиной к дереву, рядом с ними сидело еще несколько парней. И тут, не издав ни единого звука, он наклонился вперед... Он был мертв. Никто не слышал выстрела, сделанного снайпером или еще кем-то. Однако он был убит винтовочной пулей, попавшей ему прямо в лоб! Стоит ли говорить о том, что мы обшарили всю округу в поисках снайпера, но никого не нашли. Так мы и не узнали, откуда прилетела пуля.

Дни 7-10 декабря 1944 года сложились нелегко для штурмующих Мутеруз. Немцы ожесточенно отбивались, потому что здесь они вели бой на границе Рейха, но в итоге американцы взяли вверх. Рота Н была сильно потрепана: два ее пулеметных расчета попали в плен, один из взводных сержантов был тяжело ранен. Рота в целом потеряла много людей убитыми и ранеными. Продвижение вперед оставалось медленным, при этом основную тяжесть боев нес на себе 397-й Полк. Солдаты и офицеры в середине декабря все чаще думали о доме, когда на фронт стали прибывать рождественские посылки. Ринкер получил пару шерстяных митенок, которую будет носить до конца войны, и другие подарки:

Мои родственники прислали мне и продукты, и что это именно было, не имело значения, потому что все, что отличалось от провианта, имевшегося в К-рационе, радостно приветствовалось. Был еще один приятный момент примерно в то же время: нас стали посыпать небольшими группами в тыл, чтобы мы могли принять душ. Я не был в душе с того дня, когда сошел с корабля!

Вскоре подошло время для следующей атаки – на этот раз на позиции немцев, закрепившихся в городке Бич/Bitche.

Также примерно в это время мы начали натыкаться на укрепления [Линии Мажино](#). Она была построена французами в 1930-х для отражения еще одного германского вторжения. Эти укрепления состояли из построенных из армированного бетона ДОТов, из которых могли вести огонь хорошо укрывшиеся пулеметные расчеты, и огромных бункеров, в которых находились не только пулеметы. Они располагали амбразурами, через которые могли вести огонь пушки разного калибра. Некоторые из укреплений имели от пяти до семи уровней в глубину, располагали казармами, столовыми, госпиталями и подземной железной дорогой на электрической тяге, соединявшей наиболее крупные бункеры.

7 декабря в полосе укреплений [Линии Мажино](#) в лобовой атаке на город [Лемберг](#) понес тяжелые потери 1-й Батальон 399-го Полка 100-й Дивизии...

Эти два пулеметчика из Роты M 397-го Полка помогли отбить вражескую атаку на Римлин/Rimling. Согласно рапортам об этом бое, они убили при этом, по меньшей мере, 100 немцев в рождественский день 1944 года

Атака на Бич и так называемый *Camp de Bitche* – прилегающий к нему военный лагерь – была назначена на 17 декабря. Она началась с атаки сотен американских истребителей-бомбардировщиков на *Camp de Bitche*. Артиллерия и минометы американцев присоединились к бомбардировке. Батальон Ринкера осуществил отвлекающую атаку, которая позволила другим частям застать немцев врасплох. Когда уже могло показаться, что немцы вот-вот оставят Бич, пришли сведения о том, что дальше к северу противник перешел в мощное контрнаступление – началось [Арденнское сражение](#). Американец вспоминал: «Ситуация в пределах *Бельгийского Выступа* становилась все более сложной день ото дня.» 3-я Армия генерала [Джорджа Паттона](#) (George Patton) совершила быстрый рывок на север, идя на выручку оказавшимся под прессингом американским войскам, а 7-я Армия начала переброску в сектор, покинутый ею. «Мы получили приказ прекратить атаки на Бич и занять оборонительные позиции дальше к северу,» - рассказывал Ринкер. Его часть вышла из боя и погрузилась в машины, которые перебросили их в район Пети Редершин/Petit Rederching, чтобы сменить 1-й Батальон 114-го Полка 44-й Пехотной Дивизии на позициях в 10 милях строго к западу от Бича. «Уже во второй раз за два месяца на сняли с одного участка фронта и немедленно перебросили на другой,» - вспоминал американец. – К вечеру 24 декабря две стрелковые роты нашего 2-го Батальона окопались на передовой непосредственно к северу от Римлина. В рождественское утро дивизия оказалась в обороне впервые со времени вступления в боевые действия. Каждый батальон прикрывал сектор фронта, который в обычное время занимал целый полк. Нас растянули в очень тонкую линию!» Незадолго до 12.00, в день Рождества, американцам показалось, что началась сильная вражеская атака, но на самом деле то, что они приняли за большую группу приближающихся к ним немцев, оказалось толпой отступавших в панике *GI*. Вспоминает Ринкер:

Началась паника, и мы обратились в бегство, хотя даже не были под огнем. Ничто не напоминало организованный отход, которому нас учили в Школе Кандидатов в Офицеры. Была такая неразбериха, что мы не знали, отступаем мы из-за опасности попасть в окружение или потому, что силы противника напротив нас были слишком значительными, чтобы наши растянутые в тонкую линию роты могли остановить их.

Я не знаю, кто принял решение или как командинцам удалось прекратить этот дракон, но, когда мы остановились, оказалось, что мы отступили на шесть миль от наших прежних позиций! Так или иначе, 1-й и 3-й батальоны были переброшены в район Римлина и Урбаха/Urbach и отбили две вражеские атаки, нацеленные на наш сектор обороны.

Прежде чем покинуть отбитые у американцев позиции, немцы взяли с собой все, приготовленное для рождественского ужина Роты F, и 25 новых, утепленных шерстью парок.

Когда уставшие G/I устраивались на ночлег, на передовую была переброшена инженерная рота, оснащенная кувалдами, предназначенными для того, чтобы разбить промерзшую почву и дать солдатам 2-го Батальона окопаться.

Минометчики 44-й Пехотной Дивизии, занимавшей позиции рядом с 397-м Полком близ Римлина, ведут огонь из нескольких стволов, в том числе, из трофейного немецкого миномета.

Несколько дней спустя, когда 397-й Полк все еще находился в обороне, на его КП сбросили бомбы американские P-47, в результате чего было убито шесть и ранено восемь человек. Позднее выяснилось, что это были самолеты, ранее захваченные противником и пилотируемые немецкими летчиками...

100-я Дивизия получила сообщения о том, что положение американцев в Бельгии ухудшается, так что ее личный состав был приведен в боевую готовность на случай вражеской атаки в ее секторе. Она была не за горами – немцы действительно собирались нанести союзникам еще один контрудар, на этот раз, в Эльзас-Лотарингии. Накануне Нового Года землю покрыл толстый слой снега, и, вскоре после полуночи, 1 января 1945 года, по словам Ринкера, «разверзся ад» - началась наступательная операция немцев, [получившая кодовое наименование Nordwind](#).

Это была неожиданная атака. Она началась без артподготовки, чтобы достичь внезапности. Четыре или пять немецких рот атаковали наш 3-й Батальон, находившийся в Римлине. Противник перешел в наступление по всему сектору 7-й Армии. На направлениях главных ударов он обладал численным превосходством, располагая танками и самоходными орудиями и засыпая американцев колоссальным количеством мин и снарядов, которые со временем превратили Римлин в руины.

Свой сильнейший удар немцы наносили на участке обороны 3-го Батальона 397-го Полка слева (западнее) от позиций 2-го Батальона и в секторе 44-й Дивизии, слева от позиций 3-го Батальона. Последний сумел удержаться, но оборона 44-й Дивизии рассыпалась, дав немцам возможность обрушиться на фланг 3-го Батальона. Его судьба повисла на волоске, но он сумел отбить несколько немецких атак и устоять. На правом фланге 100-й Дивизии положение также становилось шатким. Немцы атаковали со стороны Бича позиции 117-го Кавалерийского Разведывательного Эскадрона на правом фланге 399-го Полка и оттеснили американцев, в результате чего обнажился восточный фланг полка. Если бы немцы обошли дивизию с обоих флангов, она бы оказалась в окружении, но, по счастью, этого не произошло...

Поскольку наземные атаки немцев захлебнулись, они были вынуждены прибегнуть к непрерывному артобстрелу позиций 100-й дивизии в течение следующих двух дней. Ринкер и 2-й Батальон 397-го Полка были переброшены в ожидании новой вражеской атаки. Вот что он рассказывал:

Мы знали, что новая мощная атака неизбежна, поскольку наши наблюдатели, расположившиеся в шпиле [местной] церкви, видели, как противник концентрирует свои силы прямо напротив нас. В 3 часа ночи 8 января враг обрушил страшный по силе концентрированный артиллерийский и ракетный огонь на Римлин, Высоту 375 и все подходы к городу. Ровно через час он пошел в атаку. Первая волна из примерно 200 пехотинцев при поддержке 10-14 боевых машин пошла на нас. Самоходки и огнеметчики атаковали Роты Е и F по двум направлениям. Немцы шли в бой в полный рост, ведя огонь на ходу и издавая бешеные вопли. Они смяли позиции обеих рот, но понесли при этом страшные потери. Мы могли бы остановить пехоту, но не имели возможности остановить Тигры. Ожесточенный, кровавый бой продолжался, пока не рассвело.

Когда к нам приблизилась первая волна атакующих, наши тяжелые пулеметы начали косить пехоту. Им приходилось вести огонь через просветы между танками и в пространство за ними, чтобы поразить врага. Мы открыли огонь из наших 81-мм минометов по заранее намеченным секторам с максимально возможной скорострельностью. Но, когда немцы добрались до линии обороны наших стрелков и пулеметчиков, нам пришлось прекратить огонь, чтобы не нанести урон своим.

К рассвету силы немцев иссякли, и они отошли назад, чтобы перегруппироваться. Число трупов напротив наших позиций было таким, что в это невозможно было поверить. Наши потери по сравнению с немецкими были на удивление незначительными.

Немецкий наблюдатель наводит по телефону артиллерийский огонь. Вогезские горы

Хотя немцы и откатились 8 января, они не теряли инициативу и продолжали держать американцев под артиллерийским и ракетным огнем. Они перерезали дорогу Римлин – Гизин/Guisincourt, заняли Высоту 370 к югу от Римлина и западную часть этого городка. Американские танки попытались сбить немцев с Высоты 370, но безуспешно.

8 января техник-сержант Чарлз Кэри (Charles F. Carey, на фото слева), служивший в противотанковом взводе из 397-го Полка отличился в бою. Он видел, как волна немецкой пехоты и панцеров накатывается на позиции его части, но не имел возможности что-либо сделать, так как огнем противника противотанковые пушки были выведены из строя. Кэри сумел организовать группу своих людей таким образом, чтобы они не дали противнику возможности смять позиции двух его отделений. Затем он с группой солдат атаковал дом, в котором засели немецкие снайперы. Под прикрытием огня своих товарищей, он подбежал к дому, закинул в него гранату и вывел из него 16 сдавшихся в плен немцев. Позднее он сумел со своими людьми подбить из базуки один из панцеров и перестрелять экипаж, пытавшийся покинуть его. На следующий день Кэри был убит снайпером. За проявленную в боях храбрость он был посмертно награжден Медалью Почета.

Последний штурм немцев имел место 9 января. По словам Ринкера, «самым наилучшим образом обученные солдаты СС, располагающие мощнейшей огневой поддержкой, были брошены на наши позиции в этой финальной атаке. Наши стрелки были настолько сильно оглушены, ошеломлены и измотаны, что едва ли смогли бы долго продержаться... Немцы стали просачиваться через бреши в нашей обороне.» Однако они были измотаны и потрепаны не меньше, чем GI, и некоторые из них начали сдаваться в плен. Часть, в которой служил Ринкер, взяла в плен 16 человек: «Я забрал автомат у немца, который сдался мне. Еще мне достались два запасных магазина к нему. Я носил это оружие с собой еще какое-то время, пока не почувствовал, что мне не нужна лишняя тяжесть...»

Через несколько часов после этой атаки ситуация на участке обороны 397-го Полка стабилизировалась. «Мы оставили в снегу 26 немецких трупов, - вспоминал Ринкер. – Среди пленных было много раненых. Наш санитар сделал для них все возможное, прежде чем мы построили их и повели в тыл. Один из захваченных нами офицеров-эсэсовцев был в ярости от того, что жалкая кучка минометчиков примерно из 20 человек разнесла его роту из 58 человек. Это было все, что оставалось от целой немецкой роты, которая несколькими днями раньше атаковала Римлин.» 397-й Полк тоже понес потери. В ходе боев за Римлин он потерял около 350 человек, в том числе, 79 убитыми. Рота H, в которой служил Ринкер, получила после них *Благодарность Президента*.

Вечером 9 января 397-й Полк получил приказ отступить примерно на одну милю, чтобы выровнять линию фронта. Вспоминает Ринкер: «Оборона Римлина научила нас вот чему: когда мы на оборонительной позиции, противник едва ли сможет сбить нас с нее, не понеся тяжелейшие потери в людях и технике. Мы твердо помнили это, когда пришло время снова наступать и пробиваться вглубь Германии.»

Когда немецкие атаки выдохлись, и стало ясно, что противник вновь перешел к обороне своей территории, командование союзников разработало новые наступательные планы. Оставшиеся недели января, февраль и первая половина марта прошли без особых событий. Немецкие патрули прощупывали позиции американцев, иногда открывала огонь артиллерия противника. В 5 утра 15 марта 7-я Армия начала свое весеннее наступление. Вспоминает Ринкер:

Противник обрушил на нас огонь тяжелой артиллерии и Воющих Мими/Screaming Meemie (реактивных минометов Nebelwerfer). Мими стреляли залпами из шести ракет, которые летели с таким гулом, от которых душа уходила в пятки. Когда они взрывались, землю сильно всхривало, но осколков от них было мало. Пехотинцы несли потери от мин Schü, уложенных сразу под верхним слоем почвы, - их невозможно было обнаружить миноискателем. Те, кому не повезло и кто наступал на них, теряли ступню или часть ноги.

Когда начался артобстрел, Ринкер укрылся в каменном доме.

Одна из ракет попала в здание, в котором я находился, и вышибла [из потолка] груду щебня, который свалился на меня. По счастью, ни один из камней не был достаточно велик, чтобы нанести мне трауму, но один попал в мои наручные часы. Это были часы, которые мои родители подарили мне по случаю окончания колледжа и которые я дважды терял и находил во время наших маршей по земле Франции. Минутная стрелка разболталась и больше не показывала точное время, но я все еще мог определить его по часовой.

Наступление американцев застало немцев врасплох и успешно развивалось. Их авиация также размягчила оборону противника. Вспоминает Ринкер:

Наше весеннее наступление шло полным ходом. Мы несли потери и брали пленных. Наш полк захватил 36 немцев в первый день, в дальнейшем, с каждым днем, их становилось все больше. Большая часть 397-го Полка вышла непосредственно к границе Германии. 19 марта и весь следующий день немцы интенсивно обстреливали три городка, расположенные в северной части нашего сектора. Тут совершенно неожиданно нас сменил 66-й Полк 71-й Пехотной Дивизии. Мы не повернули своим глазам, когда увидели ребят из 71-й, тащивших на себе полную полевую выкладку и имевших на своей униформе дивизионную эмблему, а на шее галстук! До чего зеленый это был народ! Бывало, и мы тащили на себе в бой полные рюкзаки, но, вот уж точно, были не при галстуках!

100-я Дивизия отошла в тыл и получила возможность немного отдохнуть.

Прошел слух, что нашим следующим шагом будет пересечение германской границы и прорыв в [Линии Зигфрида](#). Имея опыт боев на Линии Мажино, мы были серьезно обеспокоены тем, что нам предстоит попытка прорыва Линии Зигфрида: мы выходили на Линию Мажино с обратной стороны, но эту линию предстояло брать с фронта.

День 21 марта американцы потратили на финальную подготовку к наступлению, и весь личный состав 100-й Дивизии был проинформирован о том, чем будут заняты другие соединения 7-й Армии и [соседняя 3-я Армия генерала Паттона](#). 22 марта 2-й Батальон получил приказ выдвигаться. «Почему 2-й Батальон всегда идет первым,» - размышлял Ринкер. Люди расселись по машинам и тронулись в путь.

Мы не знали, ждут нас ли нас снова ожесточенные бои и что будет впереди. Нам сказали, что нам судьбой предначертано творить историю, но мы не были уверены в том, что нам и в самом деле необходима такая честь... Наши операции должны были быть скоординированы с действиями 7-й Армии в целом и 3-й Армии, нацеленными на прорыв в Рейнскую область к югу от реки Мозель. В 09.30 22 марта наша полностью моторизованная колонна длиной в пару миль покинула участок развертывания в районе Швейна/Schweyen... Мы пересекли германскую границу в 10 утра и, не встречая сопротивления, вышли к Линии Зигфрида.

В течение дня 397-й Полк освободил 30 военнопленных из состава союзных армий и захватил в плен десятки немцев. Вечером колонна остановилась в заброшенном немецком военном лагере в городе Пирмазенс/Pirmasens. На следующий день продвижение вперед продолжилось в таком быстром темпе, что части поддержки просто не успевали за идущими впереди. Американцы проскачивали одну деревню за другой, и повсюду из окон свисали простыни, заменявшие белые флаги... Сотни немецких солдат, понимавших, что война проиграна, складывали оружие, выходя навстречу полковой колонне с поднятыми руками. Вспоминает Ринкер:

Мы зачистили город Нойштадт/Neustadt и направились к Ассенхайму/Assenheim, чтобы войти в него и остановиться на ночь. Организованного сопротивления больше не наблюдалось, но в нем засело ощутимое количество снайперов, которых нужно было уничтожить. Теперь мы знали, что главная задача моторизованной колонны – занять Людвигсхафен/Ludwigshafen, большой промышленный город, стоявший на берегу Рейна.

Полк получил сообщение о том, что, если он найдет какие-либо уцелевшие мосты через реку, их будет необходимо взять под контроль. Американцы не нашли таких мостов, но натолкнулись на масштабные следы разгрома и избиения противника между Нойштадтом и Людвигсхафеном.

GI осматривают брошенную немецкую повозку...

Дороги и прилегающие поля были усеяны брошенным снаряжением, трупами лошадей и убитыми немцами. Мили за мили все это было раскидано по обочинам дорог и поражало нас тем, какой мощью обладает авиация. Произведенный ею разгром освобождал нас от необходимости сражаться против тех, кто был уничтожен здесь за последние пару дней...

Клэрэнс Ринкер (справа внизу, лицо обведено кружком) и его отделение 81-мм минометов. Февраль, район Линии Мажино...

Молниеносный выход 3-й Армии в район, расположенный к северу от позиций 100-й Дивизии, предотвратил отступление большого количества немецких частей через Рейн, и

теперь противник был зажат между силами генералов Паттона и Барреса, став легкодоступной целью для артиллерии и авиации. Вспоминает Ринкер:

Хотя мы сталкивались с подобными ситуациями и раньше, было грустно смотреть на контуженную [разрывом снаряда] лошадь, стоявшую на трясущихся ногах, выпучив глаза. Стыд и позор, что ее так и оставили стоять и страдать.

Людвигсхафен лежал в руинах то ли после бомбёжек, то ли после артобстрелов. 2-й Батальон занял позиции в Оггерсхайме/Oggersheim, в непосредственной близости от Людвигсхафена. 3-й Батальон и остальные части дивизии также догнали нас и начали занимать позиции вокруг него.

После того, как 3-й Батальон закрепился на берегу Рейна, он немедленно оказался под огнем артиллерии и минометов с противоположного берега. Служба развлечений провела в Нойштадте шоу, в котором приняла участие [Марлен Дитрих](#)... Отдых быстро закончился 31 марта, когда дивизия расселась по машинам и была переброшена к pontонному мосту, построенный армейскими инженерными частями между Людвигсхафеном и Маннхаймом.

Мы начали въезжать на этот длинный pontонный мост. Когда над pontоном оказывалась машина, он погружался в воду. Рейн казался очень широким, и мы с нетерпением ждали, когда же мы доберемся до противоположного берега. На той стороне мы проехали через разбомбленный Маннхайм и стали разворачиваться фронтом на юг...

После небольшой паузы 100-я Дивизия в развернутом, наступательном строю начала продвигаться в направлении Хайдельберга/Heidelberg, расположенного в 10 милях юго-восточнее на реке Неккар/Neckar. 1 апреля 397-й Полк взял в плен 337 немцев, доведя общую цифру этого улова с начала своего боевого пути до 1 359 человек. Временами американцы наталкивались на дорожные заслоны, но эти проблемы решались быстро и решительно. Ринкер припомнил инцидент, который на следующий день едва не стоил ему жизни. Немецкая 88-миллиметровка открыла огонь по моторизованной колонне, вместе с которой он продвигался вперед. Американцы спрыгнули с машин и залегли в придорожных канавах. Уничтожив несколько джипов, немцы открыли огонь шрапнельными снарядами, разрывающимися над головами засевших в этих укрытиях солдат:

Под обстрелом такая канава не дает никакой защиты. Я стал искать себе укрытие получше и тут увидел двух GI, которые подбежали к входу в водопропускную трубу [под дорогой] где-то в 100 футах от меня и нырнули в нее. Я решил сделать то же самое, но, когда я добрался до нее, она была уже забита людьми.

Ринкер побежал через дорогу, чтобы посмотреть, есть ли место в этой трубе с другой стороны.

Я рванул через дорогу, и тут неожиданно футах в 20 от меня разорвался снаряд, прямо на краю дороги. Какой-то парень, находившийся между мной и местом, где разорвался снаряд, согнулся и упал на землю, но я ничего не почувствовал и побежал дальше.

По счастью, Ринкер нашел место для себя с другой стороны трубы. Но в тесном пространстве, где он был стиснут другими солдатами, его одолела клаустрофobia, и он решил выбраться наружу и посмотреть, не может ли он чем-нибудь помочь парню, упавшему на дорогу. Добравшись до него, он обнаружил, что этот человек мертв...

Солдаты 397-го Полка наблюдают за тем, как истребитель танков M18 ведет огонь по противнику в ходе атаки на город Вислох/Wiesloch 1 апреля 1945 года

Вся верхняя часть его тела была иссечена осколками. Мне так и не удалось забыть, как выглядел в тот момент этот парень. Меня стала одолевать мысль: как так случилось, что этого парня так сильно порвало, а я не получил и царапины, хотя был всего в трех шагах от него? Это могло ведь случиться со мной так же, как и с ним...

Марш возобновился, и еще не кончился день 2 апреля, когда 2-й Батальон занял еще четыре городка... Казалось, что чем глубже американцы проникают вглубь Германии, тем ожесточеннее становится сопротивление противника. Дивизия обошла Хайдельберг, который был объявлен немцами *открытым городом*, чтобы избежать ненужных разрушений. Примерно в это время 1-я Армия французов переправилась через Рейн в районе городка Шпайер/Speyer южнее 100-й Дивизии и сомкнула позиции с ее правым флангом. Ринкер рассказал о том, как его батальон вступил в небольшой немецкий городок и застал 300 вражеских солдат спящими – все они были взяты в плен: «Немецкий майор-эсэсовец, командовавший ими, был настолько расстроен этим, что ... вытащил из кобуры свой *Люгер/Luger* и пустил себе пулю в правый висок. Трудно было поверить в то, что кто-то готов совершить самоубийство, когда война почти окончилась. Однако, по всей видимости, для офицера СС так запросто попасть в плен было позором...»

Когда взятых в плен 2-м Батальоном немцев собрали вместе с захваченными другими полковыми частями солдат противника, оказалось, что за день было взято в плен 1 080 человек, – почти столько же, сколько было захвачено полком за все предыдущее время боев. Был момент, когда дивизия получила приказ остановиться и передохнуть. Ринкер присел в одном из придорожных сараев и стал наблюдать за тем, как немка доит корову. Это напомнило ему о детских годах, проведенных на ферме в Вайоминге, поэтому он подошел к женщине и знаками объяснил ей, что хочет помочь.

Немка была в полном изумлении, потому что, по всей видимости, немецкие мужчины не занимаются дойкой коров. И я уверен: ей трудно было переварить тот факт, что вражеский солдат хочет помочь подоить корову. Но мне доставило большое удовольствие сделать что-то такое, чего я не делал уже очень-очень долго. Это отвлекло меня от мыслей о войне на несколько драгоценных мгновений...

100-я Дивизия начала продвижение к городу Хайльбронн – важному железнодорожному и шоссейному узлу, стоявшему на реке Неккар. Хотя американцы и ожидали встретить сопротивление, никто и представить себе не мог, что [за этот город развернется такое ожесточенное сражение...](#)

Когда дивизия вышла к этой реке, обнаружилось, что все мосты через нее разрушены. Рота *H*, в которой служил Ринкер, была прикомандирована к роте *E*. Сам он был назначен передовым артиллерийским наблюдателем, сопровождающим командира взвода, лейтенанта Петракко (Peter P. Petracco, на фото слева) и передающим по радио SCR-300 корректировочные данные. Американцы переправились через реку на правый берег в небольших лодках, чтобы атаковать группу фабричных построек. Ринкер держался рядом с рядом с офицером, следуя за передовой группой стрелков:

Фабричные здания были окружены каменной стеной высотой примерно пять, которая была для нас и укрытием, и проблемой, потому что перелезать через нее предстояло под вражеским огнем. Примерно в 100 футах от стены я нашел кучу гравия высотой около трех футов. Рация была тяжелой, и я остановился за этой кучей, чтобы перевести дух, прежде чем перебраться через стену. Я пробыл там около минуты, когда мимо моей головы пролетела снайперская пуля с таким громким треском, что я инстинктивно дернулся головой, от чего она едва не слетела с плеч. Эта пуля, должно быть, прошла впритирку с моей каской. Я немедленно рванулся вперед и без усилий перескочил через эту стену одним прыжком.

Солдаты 100-й Дивизии перебегают под огнем через руины Хайльбронна

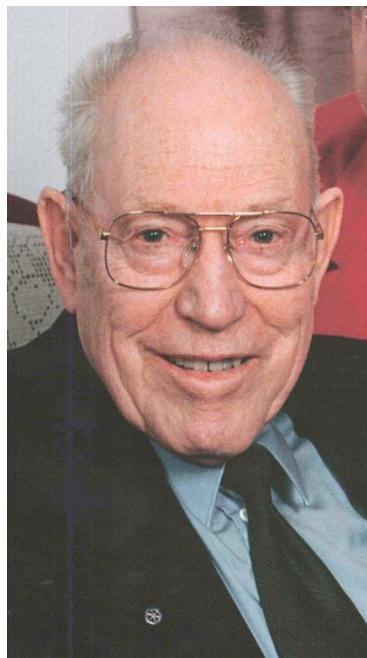
Ринкер побежал к большому зданию из красного кирпича, которое когда-то было складом, перепрыгнул через убитого *GI*, лежавшего на входе, и последовал за лейтенантом Петракко. Оказавшись внутри здания, стены которого были изрешечены снарядами, американцы услышали треск немецкого пулемета, ведущего огонь с другого его конца. Взяв с собой Ринкера и еще одного солдата, вооруженного базукой, лейтенант полез верх по лестнице к опоясывающей здание изнутри открытой металлической галерее. Перебежав по ней на другой конец склада, американцы выглянули из окна. «Из этого окна, - рассказывал Ринкер, - мы смогли посмотреть вниз и разглядеть небольшой одноэтажный

дом, находившийся примерно в 50 футах от склада. Время от времени из него открывал огонь пулемет, стрелявший по нашим людям, пытавшимся продвинуться вперед по улице.»

Лейтенант Петракко приказал солдату, вооруженному базукой, произвести выстрел по этому дому. Он так и сделал, но не сумел заставить пулемет замолчать. Вместо этого из дома выскочил немец, вбежал в помещение склада и обстрелял из автомата галерею, на которой находились американцы, но никто при этом не пострадал. Ринкер по радио навел на небольшой дом огонь минометов и после пары выстрелов скорректировал огонь. На дом упало девять мин, и пулемет замолчал. Лейтенант Петракко был убит в тот же день, 4 апреля, и посмертно награжден Серебряной Звездой.

После того, как пулеметное гнездо немцев было подавлено, уже в сумерках, Ринкер отдыхал с другими солдатами в другом здании этой же фабрики, когда вокруг него разгорелся ожесточенный бой, в ходе которого здание загорелось. «В свете пожара, - вспоминал американец, - я увидел немцев, окруживших дом, в котором мы находились, так что бежать было некуда. Мне не очень нравилась перспектива сгореть заживо, но, казалось, все GI вокруг меня были или убиты, или контужены сильными взрывами. В этот момент я решил, что лучше умру под пулями, чем изжарюсь в пламени, поэтому двинулся в сторону выхода.» Он выбежал из здания и рванул к другому, в котором, как оказалось, находились около десяти солдат из Роты E. Немцы окружили и его и ворвались вовнутрь, вынудив американцев отступить на второй этаж. У Ринкера не получалось вызвать никого по радио, но он услышал в эфире чей-то голос, призывающий открыть огонь по зданию, в котором он находился! Через несколько минут здание стали сотрясать мощные взрывы. Вспоминает Ринкер: «Я был на втором этаже..., когда прямо у меня над головой блеснула

яркая вспышка и прогремел очень громкий взрыв. Меня сшибло с ног, оглушило, и, возможно, я потерял сознание на какое-то мгновение. Помню, как я поднялся, весь покрытый белесой пылью, голова трещала и кружилась. Примерно в этот момент артобстрел прекратился, и вплоть до рассвета установилась тишина.» Наутро Ринкер и другие уцелевшие были найдены товарищами по роте и эвакуированы на перевязочный пункт. Уже вскоре Ринкер вернулся в свою часть. Следующие две недели он оставался на передовой, но дожил до конца войны. 100-я Дивизия завершила ее после 175 дней боев, потеряв 916 Его человек убитыми, 3 656 ранеными и 180 пропавшими без вести. Вот что он сказал об этом: «Война в Европе окончилась! Я прошел весь путь через Долину Смерти и вышел из нее целым и невредимым! Я не сомневаюсь в том, что Господь Бог присматривал за мной...»

После войны Ринкер (на фото слева он в последние годы жизни) стал агрономом и трудился в Исследовательской Службе Сельскохозяйственного Департамента США в штате Вашингтон. Он ушел из жизни в 2016 году.

Источник

<https://warfarehistorynetwork.com/article/too-many-close-calls/>

Перевод – Владимир Крупник

